

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10110

УДК 159

В. Ф. Петренко

<https://orcid.org/0000-0001-6028-7494>

Взаимодействие культур как фактор взаимообогащения и конкуренции

Статья написана при поддержке РФФ, грант № 17–18–01610

Статья посвящена проблеме взаимосвязи, взаимозависимости и одновременно конкуренции культур. Под культурой в настоящей статье понимается вся совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, языки жестов, живопись, архитектура, музыка, языки математики и программирования, символы и дизайн, ритуалы, вербальные и невербальные коды и прочее), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты. Позиция автора настоящей статьи заключается, в частности, в том, что главным, доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее множество национальных языков. При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании индивидуального и общественного сознания. Обсуждается роль национального фактора, культуры и языка в формировании этнической картины мира. Утверждается, что применительно к гуманитарному знанию можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (в философии, психологии, социологии, истории, филологии, праве) всегда присутствует ценностно-аксиологический компонент, присущий данной культуре. В статье подчеркивается, что происходит размывание русской идентичности, падение уровня национальной культуры и превращение ее в границах традиционной территории в одну из многих рядоположных конкурирующих этнических культур. Это происходит на фоне падения «качества населения» самого русского этноса: его образованности и уровня гуманитарной культуры, включающей знание собственной истории, литературы, искусства. Понятие «качество населения» включает и отношение к труду как источнику блага. В статье делается принципиальный вывод, согласно которому низкий уровень гуманитарной культуры неизбежно отзовется межнациональным противостоянием, этническим терроризмом и русским бунтом – «бессмысленным и беспощадным». Выход из этого тупика – гуманитарное образование, дающее рост духовности.

Ключевые слова: гуманитарная культура, язык, идентичность, толерантность, конкуренция, Всеединство культур.

PSYCHOLOGY

V. F. Petrenko

Interaction of Cultures as a Factor of Mutual Enrichment and Competition

The article is devoted to the problem of interrelation, interdependence and at the same time to competition of cultures. Culture in the present article is understood as the whole set of semiotic means of communication and consciousness (national languages, sign languages, painting, architecture, music, mathematical language and programming, symbols and design, rituals, verbal and nonverbal codes and others) and also created by their means texts, material and virtual objects. The position of the author of the present article is, in particular, that the main dominating semiotic means of the culture is language, more precisely a set of national languages. At the same time the leading role of the language is presented both in communication between people, and in functioning of individual and public consciousness. The role of a national factor, culture and language in formation of the ethnic picture of the world is discussed. It is claimed that in relation to humanitarian knowledge it is possible to speak about «cultural and linguistic relativity» because humanitarian knowledge (philosophy, psychology, sociology, history, philology the right) always has a valuable and axiological component inherent to this culture. In the article it is emphasized that there is a washing out of the Russian identity, falling of the national culture level and its transformation in borders of the traditional territory into one of many alignable competing ethnic cultures. It occurs against the background of falling of «the quality of the population» of the most Russian ethnos: its education and the level of the humanitarian culture including knowledge of own history, literature, art. The concept «the quality of the population» includes also the relation to work as a benefit source. In the article the essential conclusion is made according to which the low level of humanitarian culture will inevitably respond the international opposition, ethnic terrorism and the Russian revolt – «senseless and ruthless». A way out from this deadlock is education in the humanities giving spirituality growth.

Keywords: humanitarian culture, language, identity, tolerance, competition, Unitotality of cultures.

© Петренко В. Ф., 2018

Культуру мы понимаем как всю совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, языки жестов, живопись, архитектура, музыка, языки математики и программирования, символы и дизайн, ритуалы, вербальные и невербальные коды и прочее), а также созданные с помощью их тексты, материальные и виртуальные объекты. Доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее – множество национальных языков. При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании индивидуального и общественного сознания. Широко известно высказывание Мартина Хайдеггера: «Язык – дом бытия» – и высказывание Людвига Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». В наших совместных с В. В. Кучеренко исследованиях показано, что блокирование с помощью гипноза тех или иных значений ведет к выпадению из сознания фрагментов мира, связанных с заблокированными значениями.

Например, при гипнотическом блокировании значения слова «курить» испытуемый не видит не только сигареты и пепельницу, полную окурков, но и спички (как предмет, связанный с прикуриванием), и даже зажигалку. Но может и видеть эту зажигалку. Вертит ее в руках и говорит: «Какой-то цилиндрик, возможно из-под валидола». Если запрещенный объект достаточно громоздкий, испытуемый обходит «невидимый объект», а не пытается пройти сквозь него. То есть, опуская доказательные детали исследования, можно утверждать, что испытуемый видит «запрещенный» объект и рефлекторно действует, исходя из этого, но не осознает его. Так, можно развести процессы видения аспектов, фрагментов мира и осознание их. Из связи языка и сознания вытекает так называемая гипотеза лингвистической относительности Сепира и Уорфа, гласящая, что разные языки определяют разное видение мира. А если следовать конструктивистской методологии, согласно которой в познании мы не отражаем «объективную действительность», а строим различные модели бытия, то носители различных языков пребывают в несколько различных мирах, а национальные культуры выступают, согласно Борхесу, как «сад расходящихся тропок», обеспечивая генетическое многообразие единого Человечества. В этом плане можно сказать, что существует не только диалог культур и взаимообмен достижениями культуры и техники, но и конкуренция культур, борьба за расширение своего национального языка и национального мировоззрения. Так, разные культуры конструируют разные миры бытия, с различными «моделями потребного будущего» (тер-

мин Н. А. Бернштейна), разной системой ценностей и различающимися утопиями.

Даже логика разных культур может частично не совпадать. Сошлюсь на работу А. В. Смирнова [18] об арабской логике и приведу пример суждения из буддизма, отрицающего логику «исключенного третьего», где «отрицание великой Истины есть тоже Великая Истина». Кстати, и само понятие истины имеет религиозные корни и является, как пишет А. П. Назаретян [8], «мифологическим понятием» (тем не менее приятным на вооружение как в марксистской философии, так и в позитивизме). Представление о том, что познание «объективной действительности» независимой от позиции наблюдателя («того, что есть на самом деле») приводит к обнаружению истины, соответствует «ленинской теории отражения» или ее западному аналогу – «копирующей теории истины».

Философия постнеклассической рациональности [20, 21] и методология конструктивизма [2, 12, 13] исходит из того, что наше познание не имеет возможности непосредственно отображать «вещь в себе» и тем самым «открывать истину», а создает конкурирующие модели бытия, характеризующиеся различной предсказательной, эвристической силой, уровнем обобщения и полноты, даже красотой и этикой. Роль наблюдателя в создании модели отмечали и Нильс Бор, и Вернер Гейзенберг, а современные квантовые физики Роджер Пенроуз и Михаил Менский даже говорят о присутствии сознания в редукции волновой функции. Так или иначе, никто не будет спорить о том, что национальные культуры несут в себе имплицитную этику, фиксированную обычно в религиях, и содержат идеологемы, в чем-то совпадающие, а в чем-то различные, поэтому можно говорить как о диалоге и взаимовлиянии, так и о конкуренции различных культур, где ядром культуры выступает широко понимаемый национальный язык, включающий как вербальные, так и невербальные компоненты.

Сохранность нации, ее идентичность обеспечиваются прежде всего национальной культурой и языком. В этом плане в современной России акцент делается, в первую очередь, на утверждении государственности, и в гораздо меньшей степени на сохранении и развитии культуры и языка. Гуманитарная наука рассматривается как нечто второстепенное и малосущественное. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся попытки сократить гуманитарные исследовательские институты. Например, мне пришли по интернету просьбы подписать петиции в защиту Института искусствоведения, Центра Рериха. Государство не финансирует создание новых гуманитарных центров

науки, а наши олигархи, создавшие свои капиталы на присвоении общенародной собственности, предпочитают финансировать футбольные клубы.

Тем не менее, как показывают события на Украине, использование русского языка и культуры может становиться определяющим политическим фактором. Правители приходят и уходят (или их «уходят»), а принадлежность к тому или иному языку и культуре остается и задает вектор цивилизационного развития. Во Франции был введен закон об охране французского языка, согласно которому конференции и иные научные мероприятия на территории Франции должны проводиться на французском языке. Такая языковая политика требует, конечно, больших затрат на переводы литературы и на оплату синхронных переводчиков для иностранцев, но стимулирует развитие научного национального языка. В нашем национальном парламенте, Думе, дальше предложений ЛДПР что-то ограничить или запретить, не вложив в развитие и распространение языка ни рубля, дело не идет.

Доходит до абсурда: в стремлении поднять уровень публикаций до мирового, в отчетность гуманитарных институтов и вновь формируемых научных фондов вводят обязательное требование высоких показателей цитирования по зарубежным индексам «web of science» и «scopus» (при наличии российского РИНЦ), тем самым отдавая оценку качества отечественной гуманитарной науки зарубежным экспертам, редакторам и издателям. Недавно я спорил по скайпу с иностранным коллегой на предмет существования национальной науки. «Не бывает русской или американской физики», – утверждал он, и с этим можно согласиться, хотя и с оговорками о влиянии национальных методологических школ на большую науку. Но применительно к гуманитарному знанию, на мой взгляд, можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (философии, психологии, социологии, истории, филологии, праве) всегда присутствует ценностно-аксиологический компонент, присущий данной культуре.

Как показали исследования, в области философии психологии и методологии психологической науки национальные и культурные различия весьма значимы [4, 5].

На мой взгляд, гуманитарная культура не может не быть национальной (общечеловеческий компонент культуры, задающий Всеединство, будет рассмотрен ниже). Через усвоение языков идет приобщение к иноязычной культуре. Во времена, когда я сам был студентом МГУ, вместе со мной учились, наверное, четверть курса ино-

странных студентов, многие из них стали потом полпредами российской культуры в своих странах. Благодаря ректору В. А. Садовничеву уже в наши дни созданы и успешно функционируют филиалы МГУ в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, а благодаря еще и Ю. М. Лужкову – филиал в Севастополе, в бывших Лазаревских казармах. Такие научные, культурные и образовательные центры не только формируют дружественную нашей стране интеллигенцию, но и тем самым выступают форпостом русской культуры.

Разработанные методы психосемантики [2, 12, 14] с помощью построения многомерных семантических пространств позволяют проводить анализ менталитета населения стран, с которыми мы вступаем в политический и культурный диалог, реконструировать картину мира этих людей. Для ведения диалога необходимо представлять картину мира индивидуального или коллективного собеседника, знать категориальную структуру его сознания, его когнитивную сложность и содержание бессознательных установок. Остановимся на когнитивной сложности. Этот параметр характеризует мерность сознания, количество категорий (конструктов), в рамках которых происходит осознание той или иной содержательной области. Например, американский психолог Чарльз Осгуд провел исследование восприятия людьми абстрактной живописи. Испытуемые оценивали картины по множеству шкал, а затем полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного анализа. И если большинство обывателей использовали только оценочную категорию «нравится – не нравится», то, по оценкам профессиональных художников, факторный анализ выявил от 5 до 9 факторов, по которым различаются картины.

Сознание гетерогенно, и человек может иметь высокую когнитивную сложность, скажем, в области восприятия футбольных команд и низкую в сфере искусства, высокую в сфере экономики и низкую в политике. При этом в политике низкая когнитивная сложность ведет к неустойчивости убеждений, возможности их кардинальной трансформации. А. П. Назаретян в недавно вышедшей книге «Нелинейное будущее» пишет о своей работе в советское время с иностранными студентами. Многие учащиеся, которые придерживались «левых» взглядов, имели весьма восторженные, но стереотипные представления об СССР. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком, полагали они (термин «коррупция» тогда был еще не в моде), то и нет причин для криминального поведения. При столкновении с несправедливостью и лицемерием некоторые из этих восторженных по-

клонников социализма подчас меняли установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Противоядием от таких трансформаций-перевертышей служит увеличение когнитивной сложности сознания. В специальных исследованиях [14] мы строили семантические пространства политических партий, начиная с 1989 г. Интерес представляла как размерность этого пространства – число независимых факторов, – так и содержание категорий-факторов, по которым различались эти партии, а также позиции конкретных партий внутри этого пространства. Напомним, что одномерное деление на *левых* и *правых* пошло в политический лексикон со времен французского Конвента, где якобинцы сидели в амфитеатре слева, а жирондисты – справа.

Наше исследование, проведенное в 1990 г. на исходе горбачевской перестройки, выявило четырехмерную структуру семантического (идеологического) пространства, а содержание выделенных факторов, где первые два интерпретировались как «отвержение – принятие коммунистической идеологии» и «сохранение СССР – превращение его в конфедерацию или союз независимых государств», показывало возможность его распада. Повторные исследования политического пространства уже Российской Федерации в 1991, 1993 и 1995 г. выявило последовательное нарастание когнитивной сложности общественного сознания россиян. Не берусь судить о его состоянии в настоящее время, так как больше таких трудоемких исследований мы не проводили, но думаю, что оно уменьшилось. Когнитивная сложность, определяющая многомерность сознания, формируется при полифонии диалога [1], при наличии множественности точек зрения. Поэтому, в частности, реализация идеи единых учебников по истории или литературе будет вести к формированию «одномерной личности», что неадекватно даже с точки политической прагматики, ибо одномерность ведет либо к фанатизму, либо к неустойчивости убеждений.

Как язык, так и сознание имеют уровневое строение. Наряду с понятиями, обеспечивающими наиболее ясное осознание, в языке существуют синкреты, символы, комплексы, псевдопонятия, определяющие тот или иной уровень осознанности. Этот семиотический ряд выстраивается по степени образности – знаковости, от образа, могущего выступать представителем целого класса сходных объектов, до условного знака, план содержания и план выражения которого полностью конвенциональны и условны.

Другой параметр, по которому отличаются представители семиотического ряда, связан с многозначностью – однозначностью плана содержания знаковой формы и выстраиваются от многозначного символа, имеющего множество семантических компонентов и, соответственно, множественную интерпретацию, до математического символа (называющегося так, скорее, по недоразумению, поскольку это типичный знак), имеющего однозначную интерпретацию. Согласно Зигмунду Фрейду, индивидуальное или личностное бессознательное «разговаривает» с субъектом на языке символов, то есть осознание происходит в «мягком языке», допускающем множественную интерпретацию. Но, помимо индивидуального бессознательного, Карл Юнг [24] выделяет коллективное бессознательное, использующее универсальные символы, присущие всему человечеству и тем самым обеспечивающие семиотическую интеграцию человечества в единую семиотическую целостность. Юнг прибегает к метафоре, сравнивая коллективное бессознательное с мангровым деревом, где на поверхности мы видим множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым.

На языке квантовой механики [6, 10] мы бы сказали о связности (перепутанности), задающей целостность или Всеединство бытия. Эксперименты А. Аспекта [15] доказали, что сугубо локальных событий не существует: все процессы во Вселенной взаимосвязаны.

Здесь мироощущение квантовой физики смыкается с философией Всеединства русского православного экзистенциализма (Трубецкой, Шестов, Бердяев) и философией буддизма, в своих медитациях снимающего субъект-объектную оппозицию или, говоря языком буддизма, «снимающего иллюзию двойственности» и растворяющего индивидуальность в мироощущении Единого. За счет интеграции в Едином бессознательное обладает информационной мощностью, на несколько порядков превышающей информационную мощность сознания (в принципе, никто этого не измерял, да и методы оценки информационной мощности отсутствуют).

А. Р. Лурия утверждал, что человек помнит абсолютно все, с чем сталкивался в своей жизни. Проблема в том, как извлечь эту информацию в случае необходимости? Напомню, что «детектор лжи» в свое время был разработан американцами на основе методики «сопряженных моторных реакций» Лурия [3]. С помощью разработанного В. В. Кучеренко метода сенсомоторного психосинтеза, близкого к гипнотической технике, мож-

но восстановить в памяти человека, как он был, например, одет в определенный день в трехлетнем возрасте или что ел в этот день на завтрак. В настоящее время эта техника используется его учениками в работе следственного отдела РФ.

Например, можно актуализовать в памяти свидетеля номер машины, виденный им случайно много месяцев назад. Карл Прибрам [16] разработал голографическую модель памяти, практически не ограниченной по объему хранимой в ней информации. Связность не локальной информации, хранящейся в бессознательном, делает его источником креативности и творчества (В. Н. Пушкин, В. В. Налимов, О. К. Тихомиров). Отсюда вход в бессознательное, присущий практически всем религиозным практикам в форме медитации, молитвы, созерцания, динамической медитации в танцах дервишей, психотехникам в духе холотропного дыхания А. Грофа и пр., пиковым переживаниям (термин А. Маслоу), таким как предельные страдания, любовь, восторг и т. п.

Тематика бессознательного, продолжающая идеи Юнга, представлена в трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейджер, М. Мерфи, К. Уилбер, В. В. Козлов, В. В. Майков), исследующей процессы бессознательного в контексте интегрального бытия и единства мировосприятия.

Культура как открытая самоорганизующаяся система, подобно живому организму, нуждается в притоке инокультурной информации (аналог генетического обмена живых организмов внутри одного вида, в нашем случае человеческого)? обеспеченной внешним диалогом.

Культуре как живому организму свойствен инстинкт самосохранения («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»). Поэтому наряду с диалогом культур, существует и конкуренция, борьба за сохранение своей национальной культуры, своего языка, а возможно, и экспансии, и расширения зоны распространения.

Наряду с диалогом и конкуренцией культур с помощью семиотических средств, из которых ведущая роль принадлежит естественным языкам, существует культурный диалог и конкуренция на уровне коллективного бессознательного.

О том, что в России растёт социальная напряженность, пишет пресса, пишут социологи, говорит высшее руководство страны. Россия больна, наряду с синдромом авторитаризма, коррупции, социальной аномии, остро стоит проблема национальной идентичности. Проблема не новая, доставшаяся по наследству от СССР и предшествующая его распаду. Резня в Сумгаите и последовавшая затем Карабахская война Азербайджана

и Армении, резня – в Оше и на прилегающих к нему территориях в Киргизии, Молдавско-Приднестровский конфликт; две чеченские войны, уже в независимой России; межнациональные конфликты в Кондопоге, Ростове, Ставрополе, Челябинске, а совсем недавно в Москве (на Манежной площади) и в Питере – симптомы той тяжелой затяжной болезни. Эта болезнь – отнюдь не чисто российская. В несколько иных условиях с ней сталкиваются практически вся Европа и, отчасти, США.

Проблема эта связана с неравномерным развитием стран или, что специфично для России, их отдельных регионов и ограниченностью природных ресурсов. Идет своеобразная «обратная волна колонизации» бывших метрополий выходцами из бывших колоний. Проблема высокой рождаемости при ограниченности природных ресурсов была поставлена еще Т. Р. Мальтусом и известна как «мальтузианский тупик». Нарисуем некую значительно упрощенную схему демографической саморегуляции народонаселения. Высокая рождаемость отчасти компенсировалась высокой смертностью, низкой продолжительностью жизни, гибелью населения в войнах, уходе части населения в монастыри. Такая «отрицательная обратная связь» действовала на уровне отдельных стран, осуществляя динамическое равновесие численности населения. Страны, достигавшие экономического и культурного прогресса, имели возможность увеличить собственное население и осуществить экспансию в мир, колонизируя отставшие на некоем историческом промежутке страны. Такой механизм действовал до XX в., когда население лидирующих культур неизбежно стало изменять принятое до этого демографическое поведение, связанное с высокой рождаемостью. Равноправие женщин, вовлечение их в экономику, позднее вступление в брак, связанное с необходимостью получения образования в течение длительного периода, неизбежно привело к снижению рождаемости в экономически развитых странах. При этом гуманизация экономически и культурно лидирующих стран, а затем и последующая глобализация привели к тому, что экономические, научные и культурные достижения лидирующих стран (в первую очередь Европы и США), а также успехи в медицине стали достоянием и стран, и регионов аутсайдеров. Последние же сохранили традиционный стиль жизни и связанную с этим высокую рождаемость. Возникло все увеличивающееся демографическое и иммиграционное давление населения третьего мира и традиционных культур на экономически развитые страны. Все это проис-

ходит на фоне старения населения бывших метрополий и их депопуляции.

Потребности экономики диктуют необходимость иммиграционной подпитки трудовых резервов и привлечения иммигрантов. Однако национальные волнения арабской и негритянской молодежи в пригородах Парижа, стачки иммигрантов с полицией в Манчестере, Лионе, Неаполе и т. п. показали, что, если первые волны иммигрантов из третьего мира были готовы к выполнению самых тяжелых и непрестижных работ, то их потомство, плохо ассимилируясь в культуре новой родины, предпочитает жить на пособие, усугубляя ее экономические и политические проблемы. Если массовая волна эмигрантов из стран третьего мира в Европу началась в середине 1960 г., то Россия столкнулась со схожей проблемой в 1990 г., с распадом Светского Союза. В роли иммигрантов здесь выступают выходцы с Кавказа и Средней Азии для Европейской части России и Сибири, а также китайцы на российском Дальнем Востоке. И если трудовая иммиграция со средней Азии и Китая, предположительно временная, осуществляется «вахтовым методом», то иммиграция с Северного Кавказа населения, являющегося гражданами Российской Федерации, не предполагает последующего возврата населения на исходные позиции. То, что демографические проблемы, связанные с национальными проблемами и национальными волнениями, идут, в сравнении с Европой, с временным лагом, дает некую фору и некую надежду на способность учиться на чужих ошибках, а также надежду на формирование осмысленной национальной политики.

Основную опасность национальной российской политики я вижу в потенциальной возможности утраты национальной идентичности. Проблема идентичности разрабатывалась [27], и идентичность может быть истолкована как результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружающего мира и своего места в нем [22]. Перефразируя изречение К. Клаузевица, «НАРОД, не желающий кормить свою армию, будет кормить чужую», добавлю: «страна, не способная содержать и развивать свою культуру, просто исчезнет, ассимилировавшись и растворившись в других культурах».

Россия – многонациональное государство и уникальная русская культура является сплавом (интеграцией, синтезом) славянской, угрофинской, татарской, тюркоязычных народностей, малых северных народностей. На ее содержание повлияли и культуры наших бывших и настоящих соотечественников – украинцев, татар, армян, евреев, грузин, белорусов, казахов, немцев, бурятов,

корейцев и т. д. (необходимо было бы назвать имеющих российское гражданство представителей всех национальностей). Русская культура также немыслима вне контакта с культурой Франции, Германии, Польши, Голландии, Швеции, Монголии, Китая, Индии, США...

Русский этнос – не биологическое понятие, а культурологическое, объединяющее людей разной национальности, принадлежащих русской культуре, думающих на русском языке и идентифицирующих себя с российской историей. Рассмотрим в качестве примера только поэзию как очень важную часть русской культуры, выступающую своеобразной экспериментальной лабораторией русского языка. «Солнце русской поэзии» – потомок арапа Петра Великого – Александр Сергеевич Пушкин («Русский человек через сто лет его развития», как его определил Ф. М. Достоевский); потомок шотландца Лермонтова – М. Ю. Лермонтов; создатель «Словаря великорусского языка» – датчанин по происхождению В. И. Даль, имевший немецкие корни А. А. Блок, шотландские – К. Д. Бальмонт, русские поэты еврейской национальности Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, И. А. Бродский – вот только несколько ярких примеров создателей русской культуры в области поэзии и языка.

Русская идентичность, помимо очень важного усвоения внутрисемейной автобиографической памяти, формируется путем усвоения русского языка, истории, литературы – всего того комплекса, который называется «гуманитарным образованием». Последнее, обретаемое в первую очередь в школе, претерпевает системную деградацию. Опыт общения со старшими школьниками показывает, что они не владеют элементарными историческими знаниями. На мой вопрос, возникший в ходе обсуждения творчества М. Е. Кольцова, о том, когда была гражданская война в Испании, ни один из студентов первых курсов (вчерашних школьников) престижного МГУ им. М. В. Ломоносова не смог ответить. А ведь это событие связано с первым отпором фашизму в Европе, с созданием интербригад и участием в них наших добровольцев; оно имело огромное идеологическое значение и является фактом нашей собственной истории.

Мой коллега А. П. Назаретян – психолог и специалист по Латинской Америке – много лет преподавал в Институте общественных наук лидерам коммунистических партий южной Америки, партизанам, подчас находившимся у себя на родине на нелегальном положении. Разные по уровню образования и общей культуре, в массе своей это были искренние борцы за лучшую участь своего

народа, борцы против империализма и эксплуатации. Для многих из них Советский Союз представлялся идеалом того, к чему они стремились, страной победившего социализма, «раем божьим на земле», справедливым обществом, лишенным эксплуатации. Образ Советского Союза у них был чаще всего стереотипным и упрощенным. Сталкиваясь с негативными примерами нашей жизни, они искренне удивлялись: «Откуда в вашей стране преступность? Как она может быть в стране, покончившей с эксплуатацией человека человеком? Стереотипность представления нашей страны и низкая когнитивная сложность в осознании социального устройства общества часто приводили к тому, что Назаретян [7] называет «стереотипами-перевертышами». Шок от несоответствия ожидаемого и реальности часто приводил к тому, что человек, приехавший горячим поклонником нашей страны, уезжал если не противником, то, по меньшей мере, крайне разочарованным в стране «победившего социализма». Аналогично, наши соотечественники, эмигрировавшие в постперестроечный период на Запад, подчас возвращаются в Россию разочарованными в «свободном мире» и выступают с позиции урапатриотизма.

В то же время системные социальные, гуманитарные знания позволяют амортизировать влияние негативных событий, ведут к пониманию многомерности бытия, сосуществования в нем темных и светлых сторон. Мне запомнилось во времена «перестройки» рассуждение одного священника (оставшегося для меня безымянным) о первородном грехе. Первородный грех, полагает он, состоит не в том, что, нарушив запрет Бога, Адам и Ева съели яблоко с древа познания и мы, их дальние потомки, грешны, так сказать «по наследству», а в том, что, входя в этот мир, мы наследуем (интериоризуем, сказали бы психологи) историю и культуру наших предков и являемся производными от этой истории, включающей как события, которыми можно гордиться, так и те, что вызывают стыд и чувство вины за наших предков, да и за нас самих. Ведь мы вскормлены их ресурсами, впитали их менталитет со всеми гранями добра и зла. Мы и есть наши предки в новой исторической одежде. И принять эстафету поколений – значит взять на себя ответственность за поддержание и развитие своей истории и культуры, испытывать гордость за историю своей страны и одновременно чувство вины за ее неблагие деяния. Последнее дисконфортно, а подчас и мучительно. Поэтому грустно наблюдать «новых молодых конформистов» – разнообразных проправительственных «Наших», готовых вешать себе на грудь заслуги своих праде-

дов, но не готовых сострадать их тяжелой судьбе и, главное, принять на себя ответственность за судьбу своей страны и бороться за ее улучшение и модернизацию. Выгоднее петь аллилуйя. Вспоминаются иронические стихи советского времени:

Мы не сеем, не пашем, не строим.
Мы годимся общественным строем.

Человек – существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности, не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего Я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, на мой город, мою страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, идет еще конкуренция в ментальном, семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий, словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта. Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного Я и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то вечного, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное Я через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то, непреходящему, обретает смысл собственного существования.

Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования у отдельного человека и человечества в целом, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, медицины, культуры), но и тесно связанная с последней оценка состояния общества в духовной сфере, степень доверия в обществе, степень милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, состояние умов, качество населения, социальный капитал и ментальный ландшафт, общественные установки и национальные отношения, религиозная веротерпимость и толе-

рантность общества – необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты ментального картографирования составляют предмет научного направления, известного как «психосемантика сознания», «психосемантика общественного менталитета» [11–15].

Россия – государство межконфессиональное и многонациональное. Как показали наши исследования семантического пространства политических партий и семантических конструкторов политического сознания, накануне распада СССР идеологическое измерение было задано оппозицией (противопоставлением) коммунистической и религиозной идеологий. Демократы первой волны не смогли или не захотели создать собственную идеологию и выдвинуть собственный вектор направления «русской идеи». В результате возникло потенциальное противоречие между религиозным сознанием, несущим в своих истоках элемент нестяжательства, и потребительской идеологией, выступающей под лозунгом личного обогащения и убеждения в том, что в экономике морально то, что приносит прибыль. Заложена мина противоречивости системы ценностей общественного сознания дополнена проблемой многоконфессиональности. О том, что религия объединяет, свидетельствует исторический опыт создания великих империй, которые возникали под влиянием мировых религий, появившихся в так называемом осевом времени Ясперс (1986). Принцип христианства «несть грека и несть иудея» в тех или иных формах присущ всем мировым религиям. Они и стали мировыми, так как сняли проблему национальных противопоставлений, заместив его принципом религиозного единства.

Квазирелигия коммунистической идеологии, также имевшая колоссальное объединяющее начало по классовому, а не национальному основанию, выразила это в лозунге: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В Советском Союзе, по крайней мере в Центральной России, Украине, Белоруссии, Казахстане и т. д., людей интересовала не национальность соседей или сослуживцев, а их личностные качества. Это свидетельствует о следующем: лозунг брежневской эпохи о том, что в Советском Союзе создана новая социальная общность – советский народ, был не просто идеологическим штампом, а имел под собой некое реальное основание. С распадом Советского Союза роль объединяющего и духовного начала в России взяла на себя религия. Однако в условиях многоконфессионального государства сплочение народа на религиозной основе неизбежно оборачивается

противопоставлением народов по конфессиональному принципу. В цивилизованном мире отделение церкви от государства вызвано не особым безбожием правящей элиты демократических обществ, а необходимостью обеспечения равных прав гражданам – представителям разных национальностей и зачастую разных конфессий, как верующим, так и атеистам. Правильные слова президента Д. Медведева на встрече с лидерами парламентских фракций в январе 2011 г. о том, что в условиях России требуется делать особый акцент на развитии культуры титульной нации (хорошо бы, чтобы за этими словами стояли и реальные программы ее финансирования), потенциально могут обернуться оруэлловским: «Все животные равны, но некоторые равнее».

Империи, не придерживающиеся национального и религиозного равноправия, рано или поздно распадаются. Ярким примером может служить распад Османской империи, устроившей в 1915 г. резню армянского и отчасти курдского населения при реализации младотурками программы создания национального государства. Однако применительно к Советскому Союзу времен «брежневского застоя» и нынешней России мы сталкиваемся скорее с противоположной ситуацией: этносы, имеющие свою титульную государственность, имели и имеют скорее некоторое преимущество по отношению к русскому населению. Наше утверждение относительно СССР касается уже послевоенного времени: мы хорошо знаем о массовой депортации крымских татар, греков, корейцев, чеченцев, ингушей, «расказачивании» донских и терских казаков, антисемитизме и подавлении культуры и религии (например, шаманизма) малых народов в сталинские времена. Однако в хрущевско-брежневское время ситуация сильно изменилась, и национальные республики получили существенную экономическую подпитку. Во времена Хрущева и Брежнева только три республики (Россия, Азербайджан (за счет нефти) и Белоруссия (незначительно) являлись республиками-донорами, а даже «щирая» Украина пользовалась союзными дотациями. Можно вспомнить освоение целинных и залежных земель в Казахстане, восстановление Ашхабада и Ташкента после чудовищных землетрясений, строительство заводов электронной промышленности в Прибалтике и т. п. при экономической деградации малых городов и сел центральной России, ресурсы которой во многом перенаправлялись на периферию государства. Жители союзных республик обладали как бы двойным гражданством и, имея карьерные преимущества в собственной титульной республике,

пользовались общесоюзными квотами в образовании и представительстве в аппарате власти.

Могу привести пример, иллюстрирующий мои слова из собственной жизни. Я поступал в престижный МГУ им. М. В. Ломоносова три раза и только с третьей попытки мне удалось преодолеть огромный конкурс на факультет психологии. Многие мои однокурсники прошли с первого раза по республиканским квотам. Как правило, это были дети местной чиновной и партийной элиты. Впрочем, будучи уже студентами, мы не обсуждали национальных аспектов зачисления. Среди «позвоночных» по линии ЦК КПСС хватало и русских ребят. Сходная ситуация повторялась и при зачислении в аспирантуру. У нас на факультете учился целый поток ребят из Прибалтики, и мне больно сознавать, что большинство вчерашних однокурсников, став влиятельными людьми, не поддерживают контактов со своей альма-матер, видимо, не считая ее таковой. В новой России сохранились и даже значительно увеличились преимущества титульных национальностей, имеющих свою государственность. В Дагестане, Татарстане, Башкирии, Якутии, Чечне, Ингушетии и т. д., имея своих руководителей (президентов в недавнем прошлом), свои органы власти, они обладают конкурентным преимуществом как у себя на родине, так и по всей стране за счет землячеств. Многие, в первую очередь республики Северного Кавказа, являются дотационными, но вследствие значительной коррупции (присущей всей России, но особо процветающей, в силу клановых отношений, в национальных республиках) обладают и исходным предпринимательским капиталом. Все это дает дополнительные конкурентные преимущества.

Одна из линий возможных этнических противостояний – это различие по религиозной принадлежности. Чтобы избежать противостояния по религиозному принципу, в новой России в ельцинские времена была открыта возможность религиозной реализации для разных конфессий, что есть благо, так как способствует духовному развитию, по крайней мере, части населения, но что не есть благо с точки зрения возможности противопоставления и даже конфронтации по религиозному признаку (это показал рост напряженности и терроризма на северном Кавказе). Допущение к религиозной службе иностранных проповедников, придерживающихся фундаменталистских взглядов (тех же ваххабитов), открытие медресе и мечетей на деньги зарубежных спонсоров, имеющих свои собственные геополитические цели, не совпадающие с интересами российской государственности, способствовали радикализации и ро-

сту напряженности на Кавказе, проявившихся в двух чеченских войнах, и терроризма на всем северном Кавказе. Фундаменталисты, исповедующие национализм, имеются и в православной церкви. Антитезой противопоставлению населению по религиозному принципу является культивация общечеловеческих принципов и ценностей и акцент на гуманитарной культуре, задающей эталоны духовности и нравственности.

Итак, Россия стоит перед дилеммой. Демографический крест, включающий низкую рождаемость и высокую связанную со старением населения смертность, требует иммиграции трудовых ресурсов для поддержания экономики страны. Массовый же приток людей иной бытовой, религиозной культуры, иной системы ценностей грозит размыванием русской идентичности, падением уровня национальной культуры и превращением ее в границах традиционной территории в одну из многих рядоположных конкурирующих этнических культур. И это происходит на фоне падения «качества населения» самого русского этноса: его образованности и уровня гуманитарной культуры, включающей знание собственной истории, литературы, искусства. Понятие «качество населения» включает и отношение к труду как источнику блага. Не случайно, наряду с протестантской трудовой этикой (вспомним работы М. Вебера утверждавшего, что протестантизм мостил дорогу капитализму), конфуцианская, буддистская трудовая этика способствовала появлению дальневосточных экономических «тигров» и «драконов» (Япония, Китай, Южная Корея, а теперь уже набирающий силы Вьетнам). В России же трудовая мотивация деградирует, ибо качество жизни и уровень доходов находятся в отрицательной корреляции с уровнем образования и трудовыми достижениями. В 1990-х гг. на сцену вышел малообразованный, но нахрапистый «троечник», на вкусы и запросы которого стала ориентироваться массовая культура. Место ценности труда и образования как средства достижения определенного уровня жизни заняли родственные связи, где дети элиты не только наследуют родительские капиталы, но и автоматически занимают престижные места в социальной иерархии. Для массы остальной молодежи телевидение и гламурные журналы транслируют идею «счастливого случая»: удачного выхода замуж за богатого бизнесмена – для девушек или успешной карьеры бизнесмена на поприще чиновника или бандита – для юношей. Многочисленные денежные лотереи и конкурсы типа «Выиграй миллион» также работают на идею удачи, не связанную с трудовой активностью, хотя справедливости ради отметим, что в последнем

случае ценность образования, пусть косвенно и в извращенной форме, все же пропагандируется как условие этой удачи. Из политиков только, наверное, ленивый не пнул телепередачу «Дом 2», обвиняя ее в пропаганде распущенных нравов. Я же вижу пагубность этой передачи в том, что молодые, здоровые ребята, нигде не работая, не производя никаких материальных или духовных ценностей, могут успешно заниматься сексом и выяснением личных отношений за счет субсидируемого государством телевидения, а тысячи молодых (да и старых) налогоплательщиков, готовых подглядывать в «замочную скважину», утверждают в представлениях, что для преуспевания не надо учиться и трудиться, главное – пробиться к «ящику», попасть в сферы власти имущих. Лидеры поп-культуры, наряду с чиновниками и бизнесменами, становятся «новой русской элитой». Научная, художественная, да и военная элита оказывается на задворках этого «праздника жизни». Нищенская зарплата преподавателей средней и высшей школы (зарплата доцента периферийного вуза со всеми добавками за степень не превышает 20 тысяч рублей) не позволяет поддерживать достойный уровень жизни, а многочисленные подработки отвлекают от главной задачи – обучать и просвещать подрастающее поколение.

Как приток иммигрантов в Россию, так и падение «качества» коренного населения требует увеличения значимости гуманитарного образования и гуманитарной культуры как фактора, формирующего и поддерживающего менталитет нации. Как пелось в задорной детской песне: «Одни поем мы песенки, одни читаем книжки». Но книжки, научные журналы, перестав дотироваться государством (как было в советское время), выходят минимальными тиражами и не в состоянии просвещать население. Государство отстранилось от гуманитарной политики, отдав ее на откуп рыночной экономике. Экономя на культуре и образовании, государство рубит сук, на котором сидит, и получит (и уже получило) массу люмпенизированной молодежи, которую легко повести под националистическими лозунгами, а также малограмотных иммигрантов, не готовых принять и полюбить культуру нового места проживания, которое не стало новой родиной. Низкий уровень гуманитарной культуры неизбежно отзовется межнациональным противостоянием, этническим терроризмом и русским бунтом – «бессмысленным и беспощадным». Выход из этого тупика – гуманитарное образование, дающее рост духовности.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972.
2. Келли, Дж. Теории личности. Психология личностных конструктов [Текст] / Дж. Келли. – СПб. : Речь, 2000.
3. Лурия, А. Р. Язык и сознание [Текст] / А. Р. Лурия. – М., 1979.
4. Мазиллов, В. А. Психология: взгляд в будущее [Текст] / В. А. Мазиллов // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38. – № 5. – С. 97–102.
5. Мазиллов, В. А. Прогресс на фоне кризиса [Текст] / В. А. Мазиллов // Вопросы психологии. – 2017. – № 6. – С. 107–116.
6. Менский, М. Б. Сознание и квантовая механика [Текст] / М. Б. Менский. – Фрязино : Век 2, 2011.
7. Назаретян, А. П. Психология стихийного массового поведения [Текст] / А. П. Назаретян. – М. : Академия, 2005.
8. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее [Текст] / А. П. Назаретян. – М. : МБА, 2013.
9. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности [Текст] / В. В. Налимов. – М. : Академический проект, 2011.
10. Пенроуз, Р. Тени разума: в поисках науки о сознании [Текст] / Р. Пенроуз. – М. : Институт компьютерных исследований, 2005.
11. Петренко, В. Ф., Митина, О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета) [Текст] / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. – М., 1997.
12. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Эксмо, 2010.
13. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Эксмо, 2013.
14. Петренко, В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Изд-во МГУ, 1997.
15. Петренко, В. Ф., Супрун, А. П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли объективная действительность? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном [Текст] / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Известия Иркутского университета. Серия Психология. – 2013. – № 2. – С. 62–82.
16. Прибрам, К. Языки мозга [Текст] / К. Прибрам. – М. : Прогресс 1975.
17. Семиотика и искусствоведение [Текст] / под ред. Ю. Лотмана. – М., 1972.
18. Смирнов, А. В. Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры [Текст] / А. В. Смирнов. – М. : Языки славянской культуры, 2001.
19. Соловьев, В. С. Соч. : в 2 т. [Текст] / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988.
20. Степин, В. С. Теоретическое знание [Текст] / В. С. Степин. – М., 2000.
21. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Текст] / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
22. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2004.
23. Тинлей, Г. Д. Буддийская логика [Текст] / Г. Д. Тинлей. – Издат. Дже Цонкапа, 2012.
24. Юнг, К. Г. Психология бессознательного [Текст] / К. Г. Юнг. – М. : Когито-центр, 2010. – 352 с.

25. Petrenko V., Mitina O. Russian's representations of geopolitical space // Eur. Psychologist. 2003. V. 8. N 4., pp. 238–251.

26. Petrenko V. F., Mitina O. V. A psychosemantic approach to reconstruction of political mentality: Research methods and examples // Herald of the Russian Academy of Sciences, издательство МАИК Наука – Interperiodica (Russian Federation), том 87, № 1, 2017 с. 49–62.

27. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Worchel S., Austin 1986.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo = Problems of Dostoevsky's poetics [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1972.

2. Kelli, Dzh. Teorii lichnosti. Psihologija lichnostnyh konstruktov = Theories of the personality. Psychology of personal constructs [Tekst] / Dzh. Kelli. – SPb. : Rech', 2000.

3. Lurija, A. R. Jazyk i soznanie = Language and consciousness [Tekst] / A. R. Lurija. – M., 1979.

4. Mazilov, V. A. Psihologija: vzgljad v budushhee = Psychology: prospection [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologicheskij zhurnal. – 2017. – T. 38. – № 5. – S. 97–102.

5. Mazilov, V. A. Progress na fone krizisa = Progress against the background of crisis [Tekst] / V. A. Mazilov // Voprosy psihologii. – 2017. – № 6. – S. 107–116.

6. Menskij, M. B. Soznanie i kvantovaja mehanika = Consciousness and quantum mechanics [Tekst] / M. B. Menskij. – Frjazino : Vek 2, 2011.

7. Nazaretjan, A. P. Psihologija stihijnogo massovogo povedenija = Psychology of spontaneous mass behavior [Tekst] / A. P. Nazaretjan. – M. : Akademija, 2005.

8. Nazaretjan, A. P. Nelinejnoe budushhee = Nonlinear future [Tekst] / A. P. Nazaretjan. – M. : MBA, 2013.

9. Nalimov, V. V. Spontannost' soznaniya. Verojatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti = Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of the personality [Tekst] / V. V. Nalimov. – M. : Akademicheskij proekt, 2011.

10. Penrouz, R. Teni razuma: v poiskah nauki o soznanii = Mind shadows: in search of science about consciousness [Tekst] / R. Penrouz. – M. : Institut komp'juternyh issledovanij, 2005.

11. Petrenko, V. F., Mitina, O. V. Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznaniya (na materiale politicheskogo mentaliteta) = The psychosemantic analysis of public consciousness dynamics (on the material of political mentality) [Tekst] / V. F. Petrenko, O. V. Mitina. – M. , 1997.

12. Petrenko, V. F. Osnovy psihosemantiki = Psychosemantics bases [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Jeksmo, 2010.

13. Petrenko, V. F. Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaja paradigma = Multidimensional consciousness: a psychosemantic paradigm [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Jeksmo, 2013.

14. Petrenko, V. F., Mitina O. V. Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznaniya = Psychosemantic analysis of public consciousness dynamics [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Izd-vo MGU, 1997.

15. Petrenko, V. F., Suprun, A. P. Chelovek v predmetnom i mental'nom mire. Sushhestvuet li ob'ektivnaja dejstvitel'nost'? Neokonchennyj spor Bora s Jajnshtejnom = The person in the objective and mental world. Is there an objective reality? Unfinished dispute of Bohr with Einstein [Tekst] / V. F. Petrenko, A. P. Suprun // Izvestija Irkutskogo universiteta. Serija Psihologija = News of Irkutsk university. Psychology series. – 2013. – № 2. – S. 62–82.

16. Pribram, K. Jazyki mozga = Brain languages [Tekst] / K. Pribram. – M. : Progress 1975.

17. Semiotika i iskusstvometrija = Semiotics and artmetry [Tekst] / pod red. Ju. Lotmana. – M., 1972.

18. Smirnov, A. V. Logika smysla: Teorija i ee prilozhenie k analizu klassicheskoj arabskoj filosofii i kul'tury = Logic of sense: Theory and its annex to the analysis of classical Arab philosophy and culture [Tekst] / A. V. Smirnov. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001.

19. Solov'ev, V. S. Soch. : v 2 t. = Compositions: in 2 volumes [Tekst] / V. S. Solov'ev. – M. : Mysl', 1988.

20. Stepin, V. S. Teoreticheskoe znanie = Theoretical knowledge [Tekst] / V. S. Stepin. – M. , 2000.

21. Stepin, V. S. Samorazvivajushiesja sistemy i postneklasicheskaja racional'nost' = Spontaneous systems and postnonclassical rationality [Tekst] / V. S. Stepin // Voprosy filosofii. – 2003. – № 8. – S. 5–17.

22. Stefanenko, T. G. Jetnopsihologija. 3-e izd., ispr. i dop. = Ethnopsychology. 3rd edition., changed and added. [Tekst] / T. G. Stefanenko. – M. : Aspekt Press, 2004.

23. Tinlej, G. D. Buddijskaja logika = Buddhist logic [Tekst] / G. D. Tinlej. – Izdat. Dzhe Conkapa, 2012.

24. Jung, K. G. Psihologija bessoznatel'nogo = [Tekst] / K. G. Jung. – M. : Kogito-centr, 2010. – 352 s.

25. Petrenko V., Mitina O. Russian's representations of geopolitical space // Eur. Psychologist. 2003. V. 8. N 4., pp. 238–251.

26. Petrenko V. F., Mitina O. V. A psychosemantic approach to reconstruction of political mentality: Research methods and examples // Herald of the Russian Academy of Sciences, izdatel'stvo MAIK Nauka – Interperiodica (Russian Federation), том 87, № 1, 2017 с. 49–62.

27. Tajfel H., Turner J.S. The social identity theory of intergroup behavior // Worchel S., Austin 1986.